

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chukovskiynikolai.ru/> приятного чтения!

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский

1

Про младшего лейтенанта Игоря Королева говорили, что он боится женщин, и смеялись над ним. Сам он утверждал, что нисколько женщинами не интересуется. В действительности же он очень ими интересовался, но отношение его к ним было таким сложным, трудным и мучительным, что он из самосохранения избегал их. А с некоторых пор, после одного происшествия, к множеству чувств, которые он к ним испытывал, примешалось чувство отвращения и отравило все.

Происшествие это многим показалось бы ничтожным, но на девятнадцатилетнего младшего лейтенанта оно произвело огромное и противное впечатление. Батальон аэродромного обслуживания, в который он попал, наскоро окончив школу лейтенантов, стоял на опушке леса, километрах в трех от поселка, оставленного почти всеми жителями. Батальон должен был приготовить и содержать в порядке летное поле, на которое вот-вот могли прилететь и сесть самолеты; но летное поле было уже давным-давно готово, и зима – первая зима войны – шла к концу, а самолеты все не прилетали. Младший лейтенант Королев каждый день выходил со своими бойцами расчищать и уравнивать снег; других обязанностей у него не было. Они работали на ветру и морозе, борясь с наметенными за ночь сугробами, и из-за леса доносилось ровное громохание фронта. Фронт в этих местах намертво установился еще осенью и с тех пор не передвинулся ни на шаг. После работы Королев, усталый и замерзший, возвращался в землянку, валился на койку и засыпал.

В землянке вместе с Королевым жили два офицера – начальник строевой части и командир роты связи. Оба они были лет на двадцать старше Королева и относились к нему добродушно и снисходительно, как к славному и ничего еще не смыслящему птенцу. Дела у них было немного, и они томились от скуки.

Иногда по вечерам они таинственно переглядывались и уходили, наказав Королеву что отвечать, если внезапно позвонит начальник штаба батальона. Бока их под шинелями оттопыривались – во внутренних карманах были бутылки. Королев знал, что идут они в поселок, в какой-то домик, где живут какие-то Надя, Клава и Стефа, что вернутся они на рассвете и что завтра они будут прятать свои опухшие лица и стараться не попадать начальству на глаза. Королев презирал их и в то же время не мог избавиться от тайного чувства зависти; его унижало, что они считали его птенцом, и ему хотелось показать, что он такой же, как они, – тертый, бывалый, настоящий мужчина.

Он пошел с ними только один раз – февральским вечером. Утопая в снегу, они долго шли гуськом по лесу, потом по длинной улице пустого поселка, на которой лежал такой же цельный снег, как в лесу. Вот и тот домик. Начальник строевой части поднялся на крыльцо и затопал, отряхивая снег с сапог. За дверью раздались женские голоса, высокие и хрипловатые. Они вошли все втроем и со стуком поставили бутылки на стол, где уже стояла миска с солеными огурцами. В комнате было жарко; потолок был так низок, что долговязый Королев подгибал голову. Появились три тетki средних лет, грузные, плотные и радостно оживленные. «А! Вы своего херувимчика привели! Наконец-то!» – воскликнула одна из них, остановясь против Королева, улыбаясь и деловито его разглядывая.

За стол она села рядом с Королевым. Оказалось, ее зовут Надя и до войны она работала в сельмаге. Повернув к Королеву широкое напудренное лицо с маленькими блестящими глазками, она беспрестанно подливала ему в стакан. Огурцы хрустели на зубах. Все кричали, не слушая друг друга. Лицо Нади стало казаться Королеву огромным. Она занимала его разговором; время от времени у нее словно перехватывало горло и она договаривала фразу шепотом. Королев не вникал в то, что она ему шептала, и почему-то все время смеялся. Начальник строевого отдела уже куда-то исчез вместе с Клавой. Командир роты связи заснул, опустив голову на стол; это очень сердило Стефу, и она старалась разбудить его, поднять со стула, колотила по его спине кулаками, но он только мотал головой и опять засыпал.

Надя встала, держа Королева за руку, и повела его. Он не понимал, куда она его ведет, и слегка упирался; но все кружилось у него перед глазами, все казалось веселым и смешным, и он заливался смехом. Стефа прикладывала мокрое полотенце к

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru голове командира роты связи, все еще мечтая оживить его; это было последнее, что видел Королев. Надя привела его в маленькую каморку, где стояла высокая кровать, деловито сняла с него пояс, расстегнула пуговицы на гимнастерке и задула керосиновую лампу.

Но тут он перестал смеяться. Он вдруг возмутился. Что-то ему самому неясное, но очень для него важное, было в нем оскорблено. Чувство отвращения, гадливости охватило его. Он схватил свой ремень и побежал. Надя цеплялась за него руками, но он отрывал ее руки и упорно шел к выходу, через комнату со столом и огурцами. Он натыкался на стулья; его шатало и мутило. В сенях он надел шинель и шапку. Надя выбежала за ним на крыльцо, стараясь его удержать. Он оттолкнул ее. Она рассердилась.

– Что я, съем тебя, что ли? – сказала она. – В первый раз такого дурачка вижу.

Королев один вернулся в батальон. Все следующие дни он чувствовал себя отравленным. Повсюду, даже в метель на летном поле, его преследовал какой-то запах, затхлый и кислый, от которого тошнота подступала к горлу. За обедом он вдруг замирал, не донеся ложки до рта, и на тонкой коже его юношеского лица появлялись розовые пятна.

Ужаснее всего было то, что весь батальон узнал о его бегстве. Домик в поселке был широко известен, и когда начальник строевой части, входя в землянку, служившую офицерской столовой, громко кричал Королеву: «Привет от Нади! Ты, видно, ей очень понравился!» – все дружно смеялись.

2

Весна шла бесконечная, затяжная. То дождь, то опять мокрый снег. Тяжкие тучи чуть не задевали за верхушки деревьев. Летное поле раскисло, и нужны были чрезвычайные усилия, чтобы содержать его в порядке. Грейдеров батальону не дали, все делалось вручную, лопатами, люди мокли и мерзли, и притом вся эта работа казалась бесцельной – самолеты так ни разу на аэродром и не прилетели. Командование строило сеть аэродромов с расчетом на какие-то предполагаемые события, но событий не наступало, фронт как застыл прошлой осенью, так и гремел на одном месте за лесом, и авиация наша работала все с одних и тех же аэродромов. Немецкие летчики тоже отлично знали, что на аэродроме, где служил Королев, нет самолетов, и, чуть ли не ежедневно пролетая над ним, никогда не сбрасывали на него бомб. Королев, в тяжелой от дождя шинели, все дни напролет, утопая в грязи, мотался из конца в конец по огромному полю и приходил в землянку только ночевать. В землянке тоже набралось немало воды, как ни вычерпывали ее ведром, и деревянный настил всплыл, и койки стояли в воде, как острова. Ни обсохнуть, ни согреться в ней было невозможно. Лежа ночью под мокрой шинелью, Королев страдал от приступов острой тоски.

Воспоминания о происшествии в поселке все еще отравляли его и сливались с этой безысходной сыростью вокруг. Он не знал, чем он недоволен – своей судьбой или самим собой, – но до боли желал, чтобы все было по-другому. До войны он мечтал поступить в университет, стать географом, путешественником. Смутно и нежно, втайне от самого себя, мечтал он о встрече с какой-то девушкой, неясной и удивительной, о любви и верности... Началась война, он попал в школу младших лейтенантов и мечтал о достойных мужчине поступках в это трудное время, даже о подвигах и славе. Он мечтал о дружбе, о людях, с которыми можно делить и хлеб и душу. Когда ему сказали, что его направляют служить на аэродром, он обрадовался, из всех родов войск авиация прельщала его больше всего. Он знал, что не будет летать, но он думал, что будет защищать летчиков на земле, будет жить среди самолетов... А оказалось, что самолетов на аэродроме нет и ему с утра до вечера приходится копать грязь – без всякого смысла... После той скверной ночи в поселке, и тех страшных женщин, и своего бегства оттуда, и общих насмешек он себя чувствовал таким же, как эта грязь, которую он копает.

Ему хотелось убраться от своих сожителей по землянке, от постылого аэродрома куда угодно. Пусть там будет хуже в сто раз, но только не так. Пусть его даже убьют: ему казалось, что он совсем не боится смерти, что смерть – это избавление от тайного стыда, от того затхло-кислого запаха, который ему мерещился повсюду.

После одной такой ночи он написал рапорт и отнес командиру батальона. Он просил в рапорте отчислить его в пехоту, на фронт. Командира встретил он на поле; тот прочел рапорт, разорвал его и бросил клочки вверх, чтобы их унесло ветром.

– А вы где, не на фронте? – спросил командир. – Делайте свое дело. Ступайте.

И младший лейтенант Королев продолжал жить, как жил. Дождливая весна помаленьку продвигалась вперед. Снег сошел окончательно, набухли почки, на концах еловых веток появились светло-зеленые кисточки, желтые цветки одуванчиков вылезли кое-где на буграх. Иногда сквозь тучи проглядывало туманное заплаканное солнце и ласково грело. С наступлением весны в батальоне появилось много разных слухов, один страннее другого, и самый странный из них был вот какой: будто командование решило большинство бойцов батальона направить в другие части, а на их место для работ по расчистке летного поля прислать девушек.

Этот слух всех поставил в тупик. Особенно негодовал начальник штаба батальона, человек очень молодой, желчный, задержанный беспрестанными хлопотами.

– Что с ними делать? – ужасался он. – Запереть их? Специальную команду выделить, чтобы их охранять? Пусть только попробуют прислать, все равно не примут!..

Слуху этому верили мало и только усмехались, пересказывая его друг другу. Но недели через две действительно пришел приказ: выделить офицера, направить его в тыл, в областной город В., чтобы он там принял девушек и доставил их в батальон.

Стали решать, кого послать. Командир, начальник штаба и комиссар перебирали фамилии немногочисленных офицеров батальона. Одни были необходимы в батальоне, другим было слишком рискованно давать такое необычное поручение. По совету комиссара остановились на младшем лейтенанте Королеве.

– Он непьющий, исполнительный и к тому же совсем младенец, – сказал комиссар с надеждой.

И командир батальона вызвал к себе Королева.

– Вот вам боевой приказ, – сказал он ему. – Надеюсь, что вы его выполните при любых обстоятельствах.

– Слушаюсь! – ответил Королев. – Выполню при любых обстоятельствах.

Командир добавил:

– Вы их, главное, построже, построже! Пусть сразу почувствуют, что они на военной службе. Чтобы никакой распушенности. Если что – с вас спросу!..

Все это Королеву очень не понравилось. Он был бледен, выслушивая наставления командира, как будто его посылали на передовую, а не в тыл. И в самом поручении, и в том, что выбор пал именно на него, ему чудилось что-то унижительное, издевательское. Но унижительнее всего было то чувство страха, которое он испытывал при мысли, что ему придется командовать девушками.

Он дурно провел последнюю ночь в своей землянке и почти не спал. Ранним утром он, ни с кем не попрощавшись, взгромоздился в кузов грузовика, который должен был отвезти его за шестьдесят километров на станцию Ржа – самую ближнюю к аэродрому станцию железной дороги. И только когда они выехали из расположения батальона и неспешно покатали по топкой лесной дороге, он заметил, как изменилась погода, как стало тепло и какое чудное ясное утро стоит вокруг.

Ехал он стоя, облокотись на крышу кабины и глядя вперед. Фуражку, автомат, шинель он положил у своих ног на перевязанную веревкой фанерную коробку, в которой хранилось все его имущество, и встречный теплый ветер шевелил его густые светлые волосы. В этом ветре были запахи цветущей черемухи, и нагретых солнцем болот, и клейкой молодой листвы. И он с удивлением обнаружил, что за дождями, за работой, за вечной своей тревогой он не заметил, как уже далеко зашла весна. Он с удовольствием подумал о том, что до города В. ему предстоит долгая дорога, и чувство безопасности и свободы впервые за несколько месяцев охватило его.

Все вокруг в это утро было прекрасно, даже грязь на дороге; коричневая в тени, она так сверкала на солнце, что глазам было больно. Машина буксовала в грязи и застревала, но и эти остановки доставляли Королеву только радость. Он выскакивал из кузова и помогал бойцу-водителю срубать широкие еловые лапы, подкладывать их

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru под колеса. Раздвигая хворост, водитель вдруг показал ему маленький белый цветочек с шестью лепестками.

– Глядите, младший лейтенант, уже зацвела земляника, – сказал он. – Рано нынешний год.

И Королев, неизвестно почему, обрадовался этому сидящему в траве цветочку, как обещанию чего-то чистого и доброго.

3

В поезде, в офицерском вагоне, он спал всю дорогу, чуть ли не целые сутки. Окно было открыто, ветер шевелил во сне его волосы, все те же запахи расцветающих лесов и болот оведали его. Просыпался он только на остановках – от тишины. Тишина здесь стояла особенная, от которой он отвык, – не слышно было глухого грохота фронта.

Ощущение беспечности и свободы не покидало его; и только к утру, когда он окончательно проснулся и понял, что до В. уже совсем недалеко и что уже через час ему придется приступить к исполнению своих странных обязанностей, он вдруг приуныл и опять пал духом. Выйдя из вагона, он от волнения видел все, как в тумане. Как в тумане, разговаривал он с комендантом на вокзале, звонил по телефону, шел на край города по длинной немощеной улице меж лопухов и заборов, предъявлял в проходной документы. И, как сквозь туман, услышал наконец голос девушки-сержанта:

– По вашему приказанию команда построена.

Этой девушки-сержанта он не разглядел, потому что не осмеливался поднять на нее глаза. Что-то тощее, бледное, длинное – она почти такого же роста, как он сам. Остальных девушек, построившихся в два ряда вдоль какой-то глухой кирпичной стены, он видел еще туманнее. Пилотки, гимнастерки, юбки, чулки, кирзовые сапоги. Глядя себе под ноги, он сделал над собой усилие и, словно проглотив застрявший в горле ком, начал говорить.

Эту речь он задумал заранее. Он считал, что боец аэродромного батальона должен понимать значение той работы, которую ему предстоит выполнять. Он всегда объяснял бойцам смысл того, что они делали своими лопатами. Но бойцы его были такие же парни, как он сам, и разговаривать с ними ему было чрезвычайно просто. Здесь дело совсем другое, здесь даже собственный его голос казался ему неестественным. Но, нечаянно взглянув на них, он увидел, что у них такие же испуганные глаза, как у него. Это чуть-чуть его приободрило.

По-прежнему глядя себе под ноги, он объяснил им, что они будут служить в батальоне аэродромного обслуживания и что, если бы не было их батальона, самолеты не могли бы летать и сражаться. Бойцам батальона летать не приходится, но все-таки служба их – служба в авиации. Они будут копать землю, вырывать кусты, корчевать пни, потому что летное поле должно быть сухим и ровным, чтобы самолет мог катиться через все поле и набирать скорость без помех. Он не сказал им, конечно, что служит в батальоне уже с декабря месяца, а до сих пор ни одного самолета вблизи не видел. Он закончил тем, что их труд необходим для того, чтобы изгнать врага из пределов нашей родины. И спросил:

– Вопросы есть?

Тут волей-неволей ему пришлось на них посмотреть. Двадцать четыре девушки, выстроенные по росту в два ряда, стояли перед ним. В слишком больших сапогах, в гимнастерках, скроенных на мужчин, они были неуклюжи, как куклы-матрешки. По нежной пухлости лиц, по робости глаз, устремленных на Королева с детским любопытством, было видно, что ни одной еще нет двадцати. Те, которые стояли с краю на фланге, были так малы ростом, что Королев даже удивился.

– А письма оттуда ходят? – спросила его как раз одна из самых маленьких.

Она была кругленькая, как шарик, и грудь ее под гимнастеркой выдавалась вперед, как скамеечка. Лицо лукавое, глаза насмешливые; и все же она, кажется, сама была поражена своей смелостью, и круглые ее щеки с двумя ямочками порозовели.

Королев ответил, что письма ходят хорошо и что там, на месте, им сообщат номер

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
их полевой почты.

– А голубые пилотки нам выдадут?

Это спросила девушка повыше и потоньше. Мелкие неровные зубы придавали ее бледному миловидному личику недоброе выражение. Она, видимо, очень волновалась; сняв с головы пилотку, она вынула из волос круглый гребень, провела им по волосам, поставила на место и опять надела пилотку.

Пилотки у них у всех были обыкновенные, армейские. А полагались им голубые – как всем, служащим в авиации. И Королев ответил, что голубые пилотки им выдадут, хотя вовсе не был в этом уверен. Есть ли еще голубые пилотки в батальоне на складе?

– А такие штуки нам дадут?

Королев повернул голову и встретился с темными глазами, смотревшими на него прямо и строго. «Черт возьми, что за глаза!» – подумал Королев. Все девушки были светлоглазы. Темные глаза только у этой.

– Какие штуки?

– Вот эти, из которых стреляют, – сказала темноглазая и движением подбородка показала на автомат, висевший у Королева на груди.

В батальоне у каждого бойца был автомат. Но выдадут ли автоматы девушкам, Королев не знал и сильно сомневался.

– Это будет видно, – ответил он. – Смотря по обстановке.

Они пошли через город на вокзал. Девушки шагали строем по мостовой, неся на плечах вещевые мешки. Их вела девушка-сержант, шагавшая по мостовой рядом со строем. Королев шел по панели, немного поотстав, и старался перед прохожими делать вид, что не имеет к девушкам никакого отношения. Было тепло и пыльно уже совсем по-летнему.

4

Эшелон, которым они ехали, состоял из многих товарных вагонов, из платформ, на которых стояли орудия, и одного так называемого классного вагона, то есть жесткого пассажирского. В товарных ехали бойцы артиллерийского дивизиона, в классном – офицеры-артиллеристы. Девушкам, которых вез Королев, дали товарный вагон. Выходило так, что Королеву нужно было ехать вместе с ними. Ему это не нравилось, и он даже подумывал, не устроиться ли ему на открытой платформе, которая везла самоходку. Но комендант вокзала, руководивший посадкой, дал ему совет:

– Попроситесь к артиллеристам в классный, они вас пустят.

Его действительно пустили в классный вагон. Незнакомые офицеры не обращали на него внимания; он сел на лавку возле открытого окна, и мимо неторопливо поплыли леса и поляны. Птичий щебет был слышен даже сквозь гул колес. Пронизанные солнцем, одетые молодой листвой, березы были нежны и прекрасны. Темные шубы еловых лесов хранили какую-то тайну, но и эта тайна казалась нестрашной, заманчивой. И всякий раз, когда ели слегка расступались, он видел на земле белые пятна, словно пятна снега. Но, конечно, это был не снег, это цвела земляника; еще недавно шофер показал ему как чудо один цветочек земляники, а теперь от этих цветов белела вся земля в лесах. «Сколько нынешний год будет ягод!» – подумал Королев.

Мысль о таком изобилии будущих ягод почему-то обрадовала его. Вообще ему сегодня было радостно, он сам не знал почему; радостно ехать и вот так славно сидеть у окна и смотреть на плывущие мимо леса. Нельзя сказать, чтобы он переменял взгляд на данное ему поручение и перестал считать его неприятным. Если бы его спросили, он, как прежде, ответил бы, что не интересуется женщинами и старается быть от них подальше. Но его никто не спрашивал, и сознание того, что сзади, в конце состава, едет вагон с девушками, отзывалось в нем радостным волнением. Он не успел рассмотреть их, он ведь не гляделся, но в памяти его беспрестанно возникали то глаза, то улыбка, то полоска девичьей шеи над подворотничком, такой

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru хрупкой и беззащитной. По правде сказать, они больше всего поразили его именно своей беззащитностью. Для себя он от них не хотел ничего, кроме возможности защищать их в этом грубом мире.

Ни одного из их лиц он еще не представлял себе отдельно, ни одного еще не выделилось из того общего тумана, в котором он их видел; кроме разве лица девушки-сержанта, – с ней ему уже пришлось немного потолковать. Но как раз это лицо занимало его меньше всего – было в нем что-то постное, скучное, насквозь понятное.

Девушки называли своего сержанта Марьей Ивановной, и была она старше их всех и старше Королева – лет двадцати трех. Остриженная совсем коротко, по-мужски, она была длинна, плоскогруда, с маленькими красными прыщиками на круглом безбровом лбу. В армии, в каком-то запасном полку, она прослужила уже месяца три, набралась там мужских замашек и очень гордилась своим сержантским званием. Перед Королевым она стояла навтыжку, отвечала «так точно», спрашивала «разрешите идти» и на мостовой шагала по-мужски, по-солдатски, отбивая каждый шаг. Приветствовать встречных офицеров, отдавать команды «на-пра-во! нале-во!» доставляло ей явное наслаждение. О своих девушках она говорила недовольно и презрительно, поджимая узкие бледные губы; она уже успела сказать Королеву, что к армейским порядкам они не приучены, что у одной она даже нашла губную помаду и что держать их нужно построже. Королев с ней согласился, но теперь, думая о девушках в заднем вагоне, думал не о сержанте Марье Ивановне.

Эшелон полз на запад медленно, часто останавливался и стоял подолгу. На остановках Королев выходил погулять. Соскочив с подножки, он будто случайно и нехотя брел к концу состава. Покрытые чехлами орудия на платформах были замаскированы нарубленными ветками и сладковато пахли вянущим листом. В товарных вагонах, в раскрытых настех широких дверях сидели бойцы, свесив ноги вниз и греясь на солнце. Чем ближе подходил Королев к концу состава, тем быстрее он шел. Несмотря на пение птиц, крики бойцов, паровозные свистки, он уже за три вагона начинал слышать щебет девичьих голосов. Но последний вагон, звеневший этими голосами, стоял с наглухо задвинутыми дверьми. Конечно, можно было постучаться. Но Королев не решался. Он обходил вагон кругом, но и вторая дверь была задвинута так же плотно; и он возвращался к себе, в классный, вдоль другой стороны состава. Однако на третьей или четвертой остановке он, стоя перед задвинутыми дверьми последнего вагона, услышал сверху голос:

– Да ведь это наш младший лейтенант!

Он поднял голову и в маленьком квадратном окошечке справа от дверей увидел круглое смеющееся девичье лицо. Он узнал эту девушку: это была та самая, маленькая, кругленькая, которая спросила его, приходят ли на аэродром письма. Дверь слегка отодвинулась – не больше, чем на сантиметр; в щелке он увидел сержанта Марью Ивановну, внимательно его разглядывавшую. Дверь отодвинулась на полметра, и несколько голосов закричало разом:

– Заходите к нам, товарищ младший лейтенант! Посмотрите, как мы живем!

Он поднялся в вагон, и Марья Ивановна сразу же задвинула за ним дверь. Она объяснила, что на остановке дверей не открывает, чтобы не лезли посторонние. Свет проникал внутрь только через два маленьких окошечка, и глаза Королева не сразу привыкли к сумраку. Королев стоял посреди вагона, а справа и слева от него громоздились два этажа нар. С нар свешивались улыбающиеся головы, блестящие глаза разглядывали его. А в глубине, в темноте что-то двигалось, раздавался быстрый шепот, сверкало маленькое зеркальце, передаваемое из рук в руки.

Вообще все показалось ему необычным в этом обычнейшем солдатском вагоне; даже воздух особенный, даже особенный свет. Все было особенным, девичьим; в глубине висели какие-то полотенца или простыни, которых никогда бы не повесили мужчины; звякали ножницы, поблескивал наперсток на пальце; голубая лента свешивалась с нар; двигалась обнаженная до локтя рука, расчесывая волосы. И вдруг в ярком столбе света, падавшем из окопа, он увидел ту темноглазую девушку, которая спросила его, дадут ли им автоматы. Опустив глаза, она читала. Во всем вагоне она одна не обратила внимания на появление Королева, не повернула к нему головы. Свет ярче всего озарял нижнюю часть ее удлиненного лица, и Королев видел ее нежный подбородок и крупный рот с румяными твердыми губами.

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
– Вижу, у вас все в порядке, – сказал Королев, чувствуя, что нельзя больше стоять и молчать. – Ну, я пойду.

И сразу несколько голосов раздалось с нар:

– Оставайтесь с нами, товарищ лейтенант! У нас хорошо! Места хватит! Мы подвинемся!

Королеву очень захотелось остаться. Конечно, он понимал, что оставаться не следует. Однако, если бы его попросила и та, темноглазая, которая читала, он, может быть, остался бы. Но она по-прежнему держала себя так, будто Королева не было в вагоне.

Тут состав вздрогнул – прицепили паровоз. Королев отодвинул дверь и выпрыгнул.

– Лейтенант Игрушечка! – услышал он ласково-насмешливый возглас у себя за спиной.

Он сразу узнал по голосу – это сказала та самая, которая зазвала его в вагон, та, кругленькая.

И сейчас же весь вагон громко засмеялся.

У Королева дернулась спина. Не оглянувшись, он побежал вдоль состава к своему вагону. Откуда они узнали, что его зовут Игорь и что когда-то, когда он был совсем маленький, его называли Игрушечкой? Почему они посмеялись над ним?

И он твердо решил – больше в тот вагон не ходить.

5

Но твердое это решение он не выполнил. Уже на следующей остановке его потянуло к концу поезда – просто так, прогуляться. Он дошел до последнего вагона и обнаружил, что дверь задвинута. Разумеется, стучаться он не собирался. Он обошел вагон кругом и на той стороне, на откосе, обнаружил трех девушек, сидевших в траве. Увидев его, они встали.

Одна из них была та самая, которая обозвала его Игрушечкой. Это насмешливое прозвище еще болезненно сидело в душе у Королева, и он смутился. Зато она не смутилась нисколько. Эта маленькая толстушка оказалась бойкой, бесстрашной и говорливой. Королев и опомниться не успел, как уже ходил рядом с ней по путям взад и вперед вдоль вагонов и слушал ее непрерывную болтовню, не имевшую, казалось, не только конца, но и начала. В первую же минуту он успел услышать, что зовут ее Манечка Ложкина и что у нее много удивительных свойств, из которых самое удивительное заключается в том, что она всегда все про всех знает. Она сама не понимает, откуда у нее это берется, и сама себе удивляется. Она, например, отгадала, что его зовут Игорем. Просто посмотрела на него и поняла, что он – Игорь. Она часто отгадывает имена совсем незнакомых людей... Ну, если правду говорить, его имя она не отгадала, а подглядела в приказе, который получила Марья Ивановна. Вообще в ее отгадках никакого волшебства нет. А просто она все слушает, все замечает и никогда не забывает. И получается, что она про всех знает все.

– Хотите, я вам про наших девушек расскажу? – предложила она Королеву. – Ведь вам надо знать о каждой, раз вы теперь наш командир. Вот поглядите, например, на Лушу. Ее зовут Лукерья Зверева, но мы ее называем просто Лушей, мы между собой все по именам... Поглядите на Лушу и скажите, что в ней замечательного?

С тех пор как Манечка завладела Королевым и прохаживалась с ним, две другие девушки стояли на откосе, сося травинки. Луша была девушка неуклюжая, крупная – с толстыми ногами, с широкими плечами, с мясистым лицом, очень красным и ставшим еще краснее, когда она заметила, что Королев смотрит на нее. Он смотрел и не мог отгадать, что в ней замечательного.

– В ней замечательнее всего – сила, – сказала Манечка. – Она сильна, как паровоз. Нет, правда, если она наляжет на этот вагон плечом, вагон поедет. Для нее ничего тяжелого не бывает, она все может поднять. Марья Ивановна скажет: Луша, подыми, Луша, поставь, и Луша подымет и поставит хоть сто пудов. Заденет нечаянно стул, и стул летит в другую комнату и разваливается на лету. Если бы вы

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru видели, какие у нее мускулы на руках – во, как горы, и так ходят! Она всех нас могла бы передавить, как муравьюшек, но она добрая, своих не трогает. А вот когда до немцев дорвется, так будет их хватать за лапки и швырять себе через голову. Жениться на ней, по-моему, опасно – сомнет нечаянно или задушит. Что, Луша, можешь ты этот вагон сдвинуть?

Они как раз проходили мимо обеих девушек. В ответ Луша только запыхтела и тяжело переступила с ноги на ногу. Вторая девушка вынула из волос круглый гребень, провела им по волосам и опять поставила на место. По этому жесту и по мелким острым зубкам Королев узнал ее: та самая, которая спрашивала, дадут ли им голубые пилотки.

– Это наша Варвара, – сказала Манечка, держа Королева за руку чуть пониже локтя и ведя его по шпалам. – Она, когда волнуется, все свою гребенку вертит – вынет из волос и вставит. Даже в строю. Марья Ивановна постоянно на нее за это сердится – в строю нельзя вынимать гребенку... Варвара всегда завидует, и нет ей от этого покоя.

– Завидует? – удивился Королев. – Чему?

– А всему. Сейчас она мне завидует, что я с вами хожу. Видите, посмотрела на нас, вынула гребень и вставила. А кто ей мешает вместе с нами ходить? Я не побоялась с вами разговор завести, а она побоялась и теперь завидует... Она и Марье Ивановне завидует: отчего Марья Ивановна – сержант. Марья Ивановна на нее прикрикнет, а она в ответ только шипит, как гусь...

И Манечка очень похоже показала, как шипит гусь, когда сердится.

– Марья Ивановна, конечно, потачки не дает, – продолжала Манечка. – Она все наши вещевые мешки перерыла. Нашла у одной губную помаду. Ты что, кричит, помадой воевать собралась! И кинула помаду через забор. Мы все, у которых помада была, вынули ее потихоньку из мешков и попрятали на себе кто куда. А еще у одной нашла она щипцы для завивки. Вот крику-то было! И щипцы отобрала, и даже ножницы хотела у Лены Смирновой отобрать. А Лена Смирнова шьет и вышивку такую делает с дырочками, ришелье, как же ей без ножниц? Показала она Марье Ивановне рубашку с ришелье у ворота, и Марье Ивановне очень рубашка понравилась, она даже на себя прикидывала, и разрешила ножницы оставить. С Марьей Ивановной можно ладить. Она только хорошеньких не любит.

– Хорошеньких?

– Ну да, я знаю, по-вашему, у нас хорошеньких нет. Я сама тоже так думаю. Откуда у нас быть хорошеньким, хорошенькие на фронт не пойдут, они в тылу рыщут. Я тоже не хорошенькая и о себе не воображаю, и мне весело и спокойно. Но все же есть у нас две-три получше других, и они, конечно, воображают. По мне – пускай себе. Но Марья Ивановна их крепко не любит и придирается...

Когда Манечка заговорила о хорошеньких, Королев насторожился. Ему хотелось хоть что-нибудь узнать о той темноглазой, которая читала в вагоне книжку. Но оказалось, что Манечка совсем не ее имела в виду, а все ту же завистливую Варвару и какую-то Сашу Кашину, которой Королев даже припомнить не мог. У Манечки, да, видно, и у Марьи Ивановны были совсем другие представления о женской красоте, чем у Королева.

– А, это вы про Лизу Кольцову говорите! – догадалась наконец Манечка. – Разве она хорошенькая? Так, черненькая, большеротая. Ну, может быть, ничего... Я ее мало знаю. Она из эвакуированных. Мать под фашистами осталась, отец на фронте убит. Молчит, как пыльным мешком пришибленная. А заговорит – так отчаянная какая-то...

– Отчаянная?

Но тут засвистел паровоз, и они побежали – Манечка к своему вагону, а Королев к своему.

6

Когда поезд остановился в следующий раз, тени были уже длинные, низкое солнце светило сквозь березы. Королев зашагал к заднему вагону и вдруг услышал:

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru

– Товарищ младший, лейтенант, разрешите обратиться.

Перед ним стояла та самая, темноглазая, Лиза Кольцова. Рука с тонкими синеватыми пальцами – у виска. Туго перетянута ремнем, тоненькая, узкоплечая, потонула в своих кирзовых сапогах, как в ведрах. Глаза смотрели на него прямо и строго, и вовсе не темные, а скорее серые, – они только казались темными из-за темных ресниц. На очень белом худеньком лице с прозрачной голубоватой кожей – крупный рот с нежными крепкими губами. В левой руке она держала книжку.

– Нельзя ли меня перечислить в другую часть?

Королев не понял.

– В какую?

– В любую. Которая сражается.

– Сейчас все части сражаются.

– Вы сами сказали, что мы будем землю рыть. А я хочу сражаться.

Королев смотрел на нее с высоты своего роста. Она казалась ему маленькой и слабой.

– Сколько вам лет? – спросил он.

– Уже почти восемнадцать.

– Школу кончили?

– Девять классов. Нынешнюю зиму я в школу не ходила.

– Работали?

– На военном заводе.

– И ушли?

– Я хотела в армию. – Ей показалось, что он старается увести разговор в сторону, и она нахмурилась. – Прошу направить меня в другую часть.

– Не могу, – сказал он.

– Не хотите или права не имеете?

– Конечно, не имею права. Мне приказано привезти вас всех в батальон, и я вас привезу в батальон.

– А кто же имеет право?

– Не знаю. Может быть, командир батальона.

– Тогда я обращусь к нему.

Королев промолчал.

– Он разрешит?

– Не разрешит, – сказал Королев.

– Отчего вы так думаете?

– Оттого, что я его уже просил.

– О ком? О себе? – спросила она с любопытством.

Королев кивнул.

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– Он разорвал мой рапорт...

Она посмотрела на него долгим внимательным взглядом, словно увидела в нем что-то такое, чего раньше не замечала.

– Я тоже не хочу землю рыть, – сказал Королев. – Я тоже хочу сражаться.

Они замолчали оба. Но она не уходила. Она смотрела себе под ноги.

– Что у вас за книга? – спросил он.

Она протянула ему книжку. Лермонтов. «Герой нашего времени».

– Вы тоже любите эту книгу? – спросил он.

– Очень.

– А какой рассказ вам нравится больше всего?

– «Фаталист».

Королев вспомнил этот рассказ – об офицере, который дерзко испытывал свою судьбу. Он вернул ей книгу.

– Разрешите идти? – спросила она.

– Пожалуйста...

Она отошла шага на три, потом вдруг быстро обернулась:

– А что вы сделали, когда командир батальона вам отказал?

– Ничего, – ответил Королев.

– Вы смирились?

– Что я мог сделать...

– А я не смирюсь никогда!..

И пошла к своему вагону.

Он повернул голову и увидел Варвару с мелкими зубками, которая, вероятно, давно стояла здесь и смотрела на них. Встретив его взгляд, Варвара вытащила гребень из волос и вставила его обратно.

7

Он заснул и спал крепко и долго, и снилось ему что-то ласковое, доброе, счастливое, чего он потом припомнить не мог. Его растолкал артиллерийский офицер и сказал ему, что вагон с девушками отцепляют.

Королев вскочил, одуревший от сна, и не сразу пришел в себя.

Эшелон стоял, сумерки летней светлой ночи лились в окно. Отчетливо слышен был дальний грохот, то усиливавшийся, то ослабевавший, от которого мягко вздрагивал весь воздух. Королев схватил шинель, фуражку, автомат, фанерную коробку и выскочил из вагона.

Едва он успел спрыгнуть с подножки, как вагоны вздрогнули и поползли мимо него. Один только вагон – последний – остался на месте и одиноко темнел в сумерках. Королев осмотрелся. Какая-то станция. Путей много; станционное здание разбито, белеет смутной громадой, торча в небо странными зубцами. Королев побежал к вагону. Еще не добежав, он заметил, что у вагона кто-то стоит.

– Младший лейтенант, это вы? – к нему шагнула Марья Ивановна. – А я боялась, что вас увезли!

Она тоже не знала, почему их отцепили, и была испугана. С тревогой смотрела она

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru на зубцы станционного здания, ей еще не приходилось видеть разбитых бомбами станций. Гул, похожий на дальний грохот прибора, был для нее нов и непривычен. Вспышки, озарявшие небо до самого зенита, отражались у нее в зрачках. Двери вагона были плотно задвинуты, и там, за дверьми, спали девушки.

– Какая станция? – спросил Королев у пробежавшего мимо железнодорожника.

– Мартыновка.

Королев вспомнил эту Мартыновку – он проезжал здесь несколько дней назад. Это станция узловая, пути от нее расходятся в разные стороны. От станции Ржа, где он тогда сел в поезд, часа четыре езды. Тогда Мартыновка была цела. Здесь тогда стояла сонная тишина, не было слышно этого угрюмого гула... Королев запомнил вот ту шеренгу берез за низким заборчиком. Березы уцелели, а от станционного здания остались одни зубцы...

– Пойдем, разберемся, – сказал Королев Марье Ивановне.

Нужно было понять, почему отцепили вагон и что делать дальше. Они вдвоем обошли разбитое здание вокруг и, спотыкаясь в сумерках о кирпичи, добрались до какой-то норы, которая вела куда-то вниз, в подвал. Королев отодвинул одеяло, заменявшее дверь, и они оказались в низкой комнате без окон, которую озаряла керосиновая лампа без стекла. Стрекотал телеграфный аппарат, звенел телефон. За тесно сдвинутыми столами сидели люди, все железнодорожники, один только военный – капитан. Королев подошел к столу капитана.

– А, это вы привезли нам девиц! – сказал капитан насмешливо, взглянув на Королеву и Марию Ивановну. – Очень кстати, очень...

Насмешливость капитана не понравилась Королеву. Уж не над тем ли он смеется, что Королеву пришлось командовать девушками? Королев насупился и слушал объяснения капитана враждебно.

Оказалось, когда ночью прибыл эшелон, в Мартыновку пришел приказ направить артиллерийский дивизион по другому маршруту. А так как девушки не имели к дивизиону никакого отношения, вагон с ними отцепили и оставили. Капитан – военный комендант Мартыновки – не знал, что с ними делать дальше. У него не было никаких указаний.

– Что тут решать? – сказал Королев резко. – Я должен доставить их в наш батальон. Мне приказано, и приказание не отменено. Прицепите нас к первому поезду, который пойдет в том направлении...

– В том направлении ни одного поезда не было уже больше суток, – сказал капитан.

– А что там случилось? – спросил Королев.

– Почем я знаю, – ответил капитан. – Разве мне докладывают?

У капитана было пожилое морщинистое лицо с глубокими вертикальными складками на щеках у концов губ, и никак нельзя было понять, когда он говорит всерьез и когда шутит. Впрочем, сейчас он, кажется, не шутил. Он не знал, что делать с этими девицами.

– Погодите, – сказал он. – Попробую дозвониться.

Он долго трудился над телефоном, – так долго, что Королев и Мария Ивановна устали стоять. С кем он пытался связаться, Королев не понимал. Иногда капитан до кого-то пробивался сквозь плохо проходимую гущу проводов, вступал в длинные загадочные для Королевы разговоры; но всякий раз это была не та инстанция, от которой зависела судьба Королевы и его девушек. Наконец капитан изнемог.

– Вот что, младший лейтенант, – сказал он, откинувшись на спинку стула. – Выводите своих девиц из вагона.

Он объяснил, что не имеет права оставить на территории станции ни вагона, ни девиц. Ему приказано не задерживать подвижной состав на пристанционных путях, чтобы немцы опять не начали бомбить, как третьего дня. Он дал такой совет:

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru получить для всех на складе по продовольственным аттестатам сухой паек дня на два, а потом отвести девиц куда-нибудь в сторонку и там ждать.

– Чего ждать? – спросил Королев. – Я должен ехать на станцию Ржа.

– Понимаю, – сказал капитан.

– Вот, в моей командировке указано, что я обязан прибыть на место не позже завтрашнего дня.

– Вижу, – сказал капитан. – Я постараюсь дозвониться до начальства. Дозвонюсь – поставлю вас в известность.

– А вдруг не дозвонитесь?

– Все может быть, – сказал капитан.

Королев устал от этих долгих уклончивых разговоров. Глухое раздражение подымалось в нем.

– Вы не хотите нас отправить, – сказал он капитану.

Капитан рассмеялся.

– Очень вы мне нужны! – воскликнул он, смеясь.

Потом внимательно посмотрел Королеву в лицо и прибавил вполне серьезно:

– Послушайте, молодой человек, куда вы торопитесь со своими девицами? Вы что, не слышите, что творится? Кому они там нужны? А здесь они целей будут. Была б моя воля, я бы их первым поездом отправил обратно.

Королеву не понравилось, что его назвали молодым человеком. Так офицеры друг друга не называют. Совет капитана тоже ему не понравился. Королев был слишком молод, чтобы согласиться с такими рассуждениями.

– Нет, так нельзя, и воля не ваша, – сказал он враждебно. – Я должен выполнить приказ. При любых обстоятельствах.

– Что ж, выполняйте, – проговорил капитан холодно. – Только нет туда поездов.

– А если будут, вы нас отправите?

– Словом, освобождайте вагон!

8

День был знойный с самого утра, и чем выше подымалось солнце, тем становилось жарче. Кучи черного паровозного шлака накалились: дотронешься до кирпича – и обожжешься. Королев сидел один на старой просмоленной шпале среди огромных лопухов в жидкой тени уцелевших станционных берез и ждал. Марья Ивановна давно увела девушек через пути, за поляну, в лесок; там, говорят, какая-то речка. Она успела получить для всех сухой паек на два дня, и весь этот паек взгромоздили на спину Луши Зверевой, замечательной своей силой. Девушки ушли, а Королев остался – ждать поездов и сторожить коменданта, которому не доверял. Этот комендант пальцем о палец не ударит, чтобы помочь им добраться до батальона.

Иногда поезда проходили; но все они шли в обратную сторону, с фронта в тыл, и в Мартыновке не останавливались. Медленно прополз санитарный поезд, длинный-длинный, с занавесками на всех окнах, зловеще безмолвный. Прошел и один встречный эшелон, с тыла на фронт, весь в вянущих березовых ветках, полный бойцов, орудий, автомобилей; он тоже не остановился и с хода свернул на боковой путь – не туда, куда надо было Королеву. Когда составы уходили и станция пустела, опять становился слышен равномерно пульсирующий гул за горизонтом.

Королев привык к этому гулу за зиму и там, на аэродроме, совсем разучился замечать его. Однако здесь дело было другое: если гул этот так отчетливо слышен здесь, в Мартыновке, в двухстах километрах от их аэродрома, значит, что-то изменилось, произошло что-то скверное. Королев очень смутно представлял себе

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru очертания линии фронта: никаких карт он никогда не видел, и что он мог знать, просидев столько месяцев на одном месте, в дыре. Но ему ясно было, что за время его поездки фронт, всю зиму простоявший неподвижно, сдвинулся, и в невыгодную для нас сторону. Что-то случилось ужасное и как раз в том краю, где стоял их батальон...

И вдруг этот батальон, который он столько месяцев считал самым постылым местом на свете, показался ему милым и близким, словно родной дом. С нежностью вспомнил он землянки, своих бойцов, своих сотрапезников по столовой. Где они? Живы ли? Вспомнил пустое летное поле, над расчисткой которого столько трудился... Там все ему было ясно, там не пришлось бы ему самому решать, что делать... И его неудержимо туда потянуло.

Если бы дело касалось его одного, он сейчас отправился бы искать свой батальон, – хоть пешком. Одному – легко, за себя он не боялся. Но как быть с этой обузой, с девушками? Нужно же было так случиться, что ему навязали их на шею!..

Капитан, комендант станции, иногда выскакивал из своей норы и бежал куда-нибудь по путям или в поселок. Королев всякий раз пытался попасться ему на глаза и спрашивал:

– Ну, как? Дозвонились?

– Нет, нет, – ответил капитан, не глядя на королева и убегая.

После второго или третьего раза он сказал Королеву наставительно:

– Надо уметь ждать!

А еще через полчаса уже просто накричал на него:

– Чего вы здесь околачиваетесь! Ступайте! Когда нужно будет, я вас найду!

Королев, конечно, не ушел и опять сел на старую шпалу под березой... Капитан нарочно их не отправляет, и нужно его заставить!.. Тени берез становились все короче, солнце грело все жарче. Тяжелый мохнатый шмель перелетал с цветка на цветок. Королев следил за шмелем и ненавидел капитана.

Около полудня пришла Марья Ивановна. Она доложила, что все в порядке. Явилась узнать, нет ли приказаний и, главное, не хочет ли младший лейтенант покушать: ведь девушки унесли с собой его сухой паек. Королев с завистью глядел в ее спокойное лицо, полное служебного усердия. Она не знает, что этот гул фронта еще несколько дней назад не был слышен в Мартыновке, и полагает, что тут так и должно быть. Ей кажется, что с ними случилась всего только ничего не значащая задержка в пути, пустыковая дорожная неурядица. Может быть, объяснить ей, попросить совета? Но, взглянув ей в глаза, Королев понял, что ее совет ему не пригодится.

9

У него сегодня еще ничего не было во рту, и он хотел есть. Уходить со станции он побаивался; однако, подумав, он все-таки решил оставить здесь Марию Ивановну, чтобы следить за комендантом и поездами, а сам отправился к девушкам, пообещав скоро вернуться. Марья Ивановна объяснила ему дорогу:

– Через рельсы, потом тропкой через поле, а там лесок, свернете направо и выйдете на речку. Они все там сидят над водой на косогоре.

Тропка через поле долго ползла вниз. Рельсы, разбитая станция, поселок за нею – все осталось позади, а здесь высокая уже трава обтирала своими метелочками сапоги королева, и кузнечики прыгали из-под ног выше его роста. Солнце жгло, пахло цветущей травой; жаворонок взлетел перед королевым и свечой ушел ввысь. Кузнечики стрекотали пронзительно, но весь их стрекот не мог заглушить равномерную тяжкого гула, от которого дрожал весь голубой купол неба.

Поле кончилось, тропинка, завернув направо, вошла в лес, прорезанный солнечными лучами, как струнами, пахнувший муравьями, нагретой сосновой корой, сыростью осин. Рассохшиеся шишки падали со ступом. Высоко уходили ярусы ветвей, а внизу было бело от цветов земляники. Тропка по-прежнему скользила все вниз, вниз, и

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Королев шагал уверенно, потому что впереди уже слышал высокие девичьи голоса.

Чего они так громко кричат? Звон стоял от нестройных возгласов, счастливых и ликующих. Он утарапливал шаги, дивясь их веселью. Сосны поредели, расступились, он вышел на луг и впереди увидел речку.

То есть речки–то он не увидел, а увидел мягкие округлые купы ольхи и тальника, росшие вдоль берегов и сплошь заслонявшие от него воду. Речка петляла по лугу, вместе с ней петляла цепь зарослей, а вдоль этой цепи по петляющей тропке шагал Королев. Он обходил очередную петлю и только начал заворачивать за куст, как вдруг услышал:

– Стойте! Вам дальше нельзя!

Дорогу ему загородила Манечка – босая, в белой рубашке до колен. Склонив голову набок, она полными коротенькими руками выжимала воду из мокрых волос.

– А мы купаемся, и меня нарочно поставили здесь сторожить, – сказала она. – Я сейчас крикну им, чтобы они вылезали. Марья Ивановна не велела нам купаться, она велела все время быть в готовности, но так жарко, да и постирушку нужно устроить... Ведь вы нас не выдадите, товарищ лейтенант?

Марьи Ивановны они боялись куда больше, чем его... Манечка поглядывала на Королеву со своим обычным простодушным лукавством. Выжав волосы, она сняла с ветки свою зеленую форменную юбку, влезла в нее и стала застегивать на боку. В том, что она, по-видимому, нисколько его не стеснялась, тоже было что-то детское, простодушное. Королев же, напротив, смущенно отводил глаза, стараясь не смотреть на ее груди, подымавшиеся под рубашкой, как скамеечка.

– Вы еще ничего не кушали! – воскликнула она. – Мы переживали, что вы голодны, честное слово... Нам выдали концентраты, и мы на костре варили кашу и вашу долю вам оставили. Каша еще совсем теплая, я вам сейчас принесу. – Она надела гимнастерку, застегнула ремень, сунула ноги в сапоги. – Я живо сбегая, а вы пока по стойте здесь вместо меня на страже, никого не пускайте, а то тут мальчишки проходили, швырялись в нас шишками...

И Королев, смущенный выпавшей на его долю обязанностью, остался один, охраняя тропинку. Он видел высокие кусты, тянувшиеся извилистой лентой вдоль речки, и там подальше на кустах развешенные для просушки только что выстиранные рубашки и лифчики. Всплески воды и радостные возгласы купальщиц раздавались совсем близко. Он слышал, как Манечка на бегу крикнула:

– Вылезайте! Лейтенант Игорек пришел!

В ответ раздался дружный оглушительный визг. Звуки над водой разносятся далеко, и Королев отчетливо слышал каждое слово.

– Варвара первая вылезла!

– А вы, девочки, разве не знаете, Варвара влюблена в нашего лейтенанта!

– Разве одна Варвара!

– А наш лейтенант и вправду симпомпончик! – крикнул новый голос, совсем озорной.

В ответ засмеялись – громко и пронзительно.

– Вот я, девочки, любила одного лейтенанта, так он против нашего вдвое шире был. Такой здоровый, видный, только рябоватый немного...

– Где ж он теперь?

– На фронт угнали...

Вернулась Манечка, принесла каши в котелке, кипятку, сахару, полбуханки хлеба. Королев сел на траву и стал завтракать. Манечка уселась неподалеку и ласково смотрела, как он глотает. Мало-помалу поодиночке к ним подходили девушки; на их гимнастерках, надетых на мокрое тело, проступали темные сырые пятна. Подходя,

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy.niko1ai.ru они садились в траву вокруг Королева, и скоро Королев оказался окруженным множеством глаз, доверчиво и дружелюбно смотрящих на него.

Лица их были ему уже знакомы. Варвара кусала травинку мелкими острыми зубками и всякий раз, когда Королев взглядывал на нее, двигала гребень в волосах. Могучая Луша Зверева, широкая, как гора, сидела неподвижно, выставив вперед толстые ноги, раздувавшие икрами голенища сапог. У Лены Смирновой, любившей шить, глаза были тихие, спокойные. Вот Саша Кашина, которую они считают самой красивой; она и вправду, пожалуй, недурна. Вот маленькая рыженькая Томка, – уж до чего рыжа, как клен осенью, и вся в веснушках, и нос лупится, и глаза красные... Как зовут других девушек, Королев не знал, но все они уже ему примелькались, и он вспоминал их по мере того, как они подходили. Он ждал, когда подойдет наконец Лиза Кольцова, та, с темными ресницами, которая просила перевести ее в другую часть. Но Лизы Кольцовой все не было.

Королев выгребал из котелка кашу, а девушки разговаривали между собой. Их разговор не умолкал ни на минуту, сплетался густо, как пряжа. Они еще были переполнены впечатлениями купания и говорили о речке, о событиях в воде.

– Я с одного маху переплыла на тот берег, только ногой до дна дотронулась, и назад.

– Подумаешь! Наша река в четыре раза шире, а я ее с одного маху переплываю.

– А у нас речка поуже, да вся в омутах. Каждый год тонут. Водовороты крутятся и затягивают.

– А я сегодня вот какую рыбу видела! Не верите?

– Чего это Саша так перепугалась? Я уже думала, она тонет.

– Меня кто-то за колено в воде схватил. Ей-богу! Скользкий, холодный! – сказала Саша Кашина. – Так мягко взял за колено и отпустил.

Манечка рассмеялась, но никто ее смеха не поддержал. У Саши было розовое личико и прямой аккуратный носик. Она вспомнила о своем испуге, и глаза у нее стали круглыми от страха.

– Кто же это был? Рыба, что ли?

– Нет, рыба за колено не возьмет.

– Утопленник...

– Ох! – испуганно вздохнули кругом.

Потом маленькая рыжая Томка сказала:

– А я лягух больше, чем утопленников, боюсь.

Она показала, как она боится лягух.

– Лягух глупо бояться. Я вот коров боюсь, – корова большая, рогатая, и никогда не знаешь, что она сделает.

– Ну, если коров бояться, как же их доить, – сказала Варвара рассудительно.

Но на ее слова никто не обратил внимания. Оказалось, все они чего-нибудь боятся. Они рассказывали об этом с полной откровенностью, как будто даже хвастаясь, что они такие трусихи. Они боялись собак, козлов, индюков, мышей, высоты, темноты, раков, пауков, омутов, окряг. Одна Манечка уверяла, что ничего такого не боится, – пока речь не зашла о покойниках.

– Нет, покойников я боюсь, – сказала она, и по голосу ее было слышно, что она их действительно боится.

Как раз в эту минуту Королев краем глаза заметил Лизу Кольцову, вышедшую из кустов и подходившую к ним. Он не посмел повернуть к ней головы. Она обошла

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru кругом всех сидевших в траве и села позади Королева. Он не видел ее, но все время чувствовал спиной ее присутствие.

– Что это – весь день гром гремит, а дождя нету? – спросила вдруг Саша Кашина.

Ей никто не ответил. Взглянув в их лица, Королев понял, что все они, кроме Саши, давно уже догадались, что это за гром.

– Я тоже сначала думала, что тут за лесом едут машины, груженные железом, – сказала рыжая Томка.

Впервые заговорили они о близости фронта. Ни одна не выразила страха, но Королеву вдруг стало страшно за них. Разговоры о боязни темноты, мышей, раков укрепили в нем ощущение их беззащитности. То, что он сам на войне, где его могут убить, всегда казалось ему делом естественным. Но зачем быть на фронте этим девочкам?..

Лена Смирнова, любившая шить, подняла на него свои тихие серьезные глаза и спросила:

– А скоро нас повезут дальше?

Она, вероятно, была не старше других, и все же среди них казалась не девчонкой, а взрослой. В ее спокойной мягкости было даже что-то материнское.

– А куда нам торопиться? – сказал Королев. – Чем тут плохо? Глядите, какая погода.

Он вопрошающе посмотрел в лица девушек, думая, что его поддержат или хоть рассмеются. Но ни одна не улыбнулась.

– Погода сейчас всюду хорошая, – сказала Лена Смирнова. – А вот без дела сидеть нехорошо. Мы ведь не затем поехали, чтобы на бережку греться. У нас дома полно дел.

– Война не женское дело, – сказал Королев.

– Да и не мужское, – сказала Лена Смирнова. – Но теперь об этом рассуждать не приходится.

А за спиной у него Лиза Кольцова произнесла:

– Младший лейтенант считает, что женщинам разрешается только умирать. Драться разрешается только мужчинам.

10

Королев встал, чтобы идти на станцию. Он сказал, что пришлет им Марью Ивановну...

– А как вы шли сюда? – спросила Манечка.

– Через поле.

– Этак только крюка давать. По рельсам в два раза ближе.

Оказалось, железная дорога здесь совсем рядом, за леском. А по путям можно дойти до станции.

– Я вам покажу, – предложила Манечка и поспешно пошла вперед, чтобы не дать Королеву времени отказаться.

Варвара двинулась вместе с ней. Она не собиралась уступить Манечке право показать дорогу Королеву. Они мельком взглянули друг на дружку. Насмешливые глаза Манечки скрестились со злыми глазами Варвары.

И вдруг Лиза тоже поднялась с травы. Не произнеся ни слова, она пошла вместе с Королевым.

Так, с тремя девушками, Королев шагал через лесок, – словно школьный учитель,

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru которого провожают три школьницы. Сначала по правую его руку шла Манечка, по левую – Лиза Кольцова; Варвара шла сзади. Потом Варвара постаралась протиснуться между Манечкой и Королевым; но Манечка плечом оттерла ее. Тогда она протиснулась между Королевым и Лизой. Теперь Манечка и Варвара вели Королева как бы под конвоем, а Лиза шла сбоку.

– Господи, сколько земляники! – воскликнула Манечка, – Все бело кругом!

– Первые цветы всегда желтые – одуванчики, калужницы, – сказала Лиза Кольцова. – А вторые – белые. Сейчас все белое цветет: черемуха, земляника, яблони, вишенье. А белое отцветет, зацветает синее – колокольчики, васильки, незабудки, клевер.

«А ведь правильно! – подумал Королев с удивлением. – И как это она славно сказала».

Прелесть пронизанного солнечным светом и птичьим пением леса радовала их, и им хотелось говорить о цветах.

– Картошка тоже синим цветет, – сказала Варвара.

– Нет, сколько земляники будет! Как по молоку идем! – продолжала дивиться Манечка.

– А вы любите собирать землянику? – спросил Королев.

– Очень! – воскликнула Манечка.

– Очень, – сказала Лиза.

– А мы с матерью собираем и выносим на пристань к пароходам – продавать, – сказала Варвара. – До того дособираемся, что распухнем от комаров.

– Кто нынешний год будет ее собирать? – спросила Манечка.

– Не мы, – сказала Лиза.

Они вышли на рельсы, и Королев осмотрелся, чтобы понять, где они находятся. Направо, метрах в двухстах, увидел он семафоры Мартыновки.

– Ведь нам туда надо ехать? – спросила Лиза и показала в противоположную от станции сторону.

– Точно, – сказал Королев. – В Мартыновке железная дорога раздваивается, как вилка, и это – наша линия.

– Мы проводим вас до паровоза, – объявила Манечка.

Паровоз стоял шагах в двадцати от них, и они уже подходили к нему. Он был окутан нарезанными в лесу ветками, как беседка, и глядел в ту сторону, куда им нужно было ехать. Еле заметный дымок вился над трубой. Поравнявшись с паровозом, они оглядели его. Ни одного человека. За паровозом был тендер, набитый длинными березовыми поленьями, и одна платформа с низкими бортами.

Лиза вдруг спросила:

– Товарищ младший лейтенант, вы умеете управлять паровозом?

– Никогда не пробовал, – ответил Королев.

– Я думаю, тут уметь нечего, – сказала Лиза. – Ведь он едет туда, куда его рельсы ведут, ни вправо, ни влево не свернешь. Наложить дров, как печку топят, повернуть рычаг, и он поедет.

Здесь они расстались. Королев один шагнул по шпалам к станции. Он невольно улыбался, вспоминая; он весь был полон их голосами, их милым девичьим щебетом. Однако чем милее они ему казались, тем сильнее в нем шевелилось чувство неуверенности и даже какой-то вины...

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Марья Ивановна сидела на станции под березой – в том месте, где он ее оставил.
Она поднялась и вытянулась перед ним.

– Ну, как? – спросил он ее.

Но она ничего не знала. Пока его не было, через станцию прошло несколько поездов, но все не туда. К коменданту она заходила, но он приказал ей очистить помещение.

– Так, – сказал Королев. – Идите.

Марья Ивановна ушла к девушкам, а он направился к коменданту. Он столкнулся с ним у входа в подвал, загородил ему дорогу и спросил, когда их наконец отправят.

– Я вам, кажется, ясно сказал – ждите, – ответил комендант.

Небольшого роста, сухонький, прямой, он начальственно смотрел на Королева.

– Товарищ капитан, если я завтра не явлюсь в батальон, меня расстреляют как дезертира, – сказал Королев.

– Не беспокойтесь, не расстреляют. Если нет поездов, как вы можете приехать?

– Но я обязан сделать все, чтобы выполнить приказание!

– Вы все и делаете. Что вы еще можете сделать?.. Э, милый мой, на войне не надо спешить. Войны на вас хватит.

Опять нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. Королев возмутился.

– Что было бы, если бы все рассуждали, как вы! – воскликнул он.

– А не надо, чтобы все так рассуждали, – сказал комендант спокойно. – Надо только понимать, что там не нужны ни женщины, ни дети...

Королеву пришло в голову, что под детьми комендант понимает его. Это Королева взбесило.

– Вы не смеете нас задерживать! – крикнул он. – Вы ответите за свои действия!

Пожилый капитан спокойно и грустно посмотрел на разволновавшегося Королева.

– Конечно, отвечу, – сказал он. – Я ведь тоже, как и вы, делаю только то, что могу. А сейчас не мешайте мне. Я занят.

Он обошел Королева кругом и зашагал к поселку.

Оставшись один, Королев долго возмущался. Собственное бессилие сердило его. В первый раз поручили ему важное самостоятельное дело, а он не умеет его выполнить. Он не нашелся даже, как ответить этому коменданту, позволяющему себе неподходящие разговоры... Но время шло, и возмущение его мало-помалу остывало. Даже вспоминая о коменданте, он не испытывал прежнего гнева. В конце концов было что-то славное в этом грустно-насмешливом офицере, слишком пожилым для своего капитанского звания... А может быть, он по-своему и прав. Он откровенно жалеет девушек. Он не пойдет против приказа. Но он думает, что если этот приказ невозможно выполнить, не стоит огорчаться...

Приказ был дан Королеву в совсем иное время... С тех пор все изменилось... Теперь, наверно, не дали бы ему приказа доставить девушек в батальон...

Своей личной ответственности за опоздание Королев страшился не очень – ведь он действительно делал все, что мог. И будет делать все, что может. Главное было в другом – в той мысли, что девушки там совсем не нужны...

11

Весь день Королев пробродил вокруг станции. И день уже шел к концу, и солнце светило сбоку, когда он вдруг увидел Лизу Кольцову.

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru

– Товарищ младший лейтенант, я за вами. Он уже нагрелся и пускает пар.

Она запыхалась, щеки ее, обычно бледные, порозовели. Она шла сюда очень быстро, а может быть, и бежала.

Королев так обрадовался ее появлению, что не понял ни одного слова.

– Кто? – спросил он.

– Наш паровоз.

Его непонятливость сердила ее.

– Идемте, идемте, пока комендант не хватился. Все наши уже в сборе, только вас нет. Идемте, а то он уедет!

Королев шагал за ней между рельсами, с трудом поспевая. Он все еще ничего не понимал, но ему приятно было ей подчиняться. Только увидев тот самый паровоз с платформой, мимо которого они давеча проходили, он догадался, куда она его ведет. Паровоз внезапно дал протяжный гудок и потонул в густом клубе пара.

– Скорей! Скорей!

– Они согласны нас взять? – спросил Королев.

– Я их уламывала два часа. Я сказала, что, если они нас не возьмут, мы ляжем на рельсы и не дадим им уехать.

– А почему вы мне не доложили?

Она обернулась на бегу и быстро взглянула ему в лицо.

– Потому, что я все ваши мысли знаю, – сказала она.

Это удивило его и смутило.

– Нет, какие мысли? – спросил он. – Нет, откуда вы можете знать мои мысли?

– А что девушкам там делать нечего и что лучше нам обождать... Вы с комендантом хотите нас здесь оставить.

Только что он не находил в этих мыслях ничего постыдного. Но она его пристыдила, и он сразу отдался ей во власть. Ему теперь даже казалось, что он никогда такого и не думал.

– Неправда!

– Нет, правда. Мы вас разгадали, и мы не хотим. Мы никого не хуже.

Он хотел возразить, оправдаться, но не было времени, они слишком спешили. Впереди он увидел Манечку, которая, волнуясь, выбежала им навстречу и теперь стояла и глядела на них, пританцовывая от нетерпения.

– Скорей! Скорей! – кричала Манечка. – Все наши уже сели! Сейчас едем!

Они побежали втроем. Манечка объясняла на бегу:

– Ни за что не хотели нас брать. Но там парень один, помощник машиниста... Веселый!. Ему очень наша Луша понравилась. Только из-за Луши и взяли.

За низкими бортами платформы Королев увидел головы девушек в пилотках и Марию Ивановну, стоявшую во весь рост. Он уже хотел влезть на платформу, но Манечка крикнула:

– Нет, нет, вам на паровоз!

И они втроем побежали к паровозу. Лиза Кольцова первая схватилась за поручни вертикальной железной лесенки и полезла вверх. За ней Манечка – с удивительным

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru для ее полного коротенького тела проворством. В то мгновение, когда Королев встал на железную ступеньку, большое колесо паровоза мягко двинулось.

12

Паровоз гремел всем своим старым, жарким, прокоптелым и промасленным железом и неторопливо полз по рельсам. Тени деревьев, за которыми садилось солнце, хлестали его, как плети; с обеих сторон был лес, и он двигался в живой сетке вечерних теней. Королев сидел в тендере на своей фанерной коробке, вдыхая запахи болотной прели из леса, вянущей листвы маскировочных ветвей и жаркого угара из топки. Впереди, в паровозной будке, спокойно работал машинист – небольшой пожилой человек в очках, суровый и неприступный на вид. Ни на Королева, ни на взбравшихся на паровоз девушек он не обращал никакого внимания, словно их не было. Он смотрел сквозь них, как сквозь пустоту, и это смущало Королева; ему казалось, что стоит машинисту обнаружить их существование, и они будут высажены.

Зато помощник машиниста – со зверским, хитрым и веселым лицом – был общителен и живо интересовался своими пассажирами. Покрытая разводами сажи голая грудь его блестела от пота. Кепку он носил козырьком назад, в руках держал длинный стальной прут, которым ковырял поленья в топке. Называли его, несмотря на молодость, Петром Петровичем. Быть может, лицо его и не казалось бы таким зверским, если бы не было вымазано сажей; меж черных пятен блестели зубы и глаза.

Работая у топки, Петр Петрович все поглядывал на Лушу Звереву, которая подносила ему дрова. Без всякого напряжения подымала она крупно напиленные березовые стволы, переносила их из тендера в паровоз и всовывала в огненную пасть топки. Манечка и Лиза тоже пытались было поднять одно такое полено, но Петр Петрович закричал на них:

– Оставьте, вы, комаришки!

Зато Лушей он восхищался:

– Не девчонка, а подъемный кран! Такая обнимет, так хрустнешь!

На Королева он поглядывал насмешливо и не проявлял ни малейшего почтения к его званию.

– Ну, и привалило тебе – девками командовать, – говорил он ему. – Что хочешь можешь приказать, а как же, – воинский устав. Не выполняешь – иди под расстрел. Для других война – беда, а для тебя – малина. Я не завидую, бери себе всех, а мне одну Лушу отдай!

В его громком восхищении Лушей была, конечно, и насмешка. Да и не бескорыстно он восхищался – если бы не она, ему самому пришлось бы перетаскивать поленья. Но она видела только восхищение, а насмешки или не замечала, или пренебрегала ею. В работу она вкладывала всю душу, и на ее тяжелом круглом лице появилось даже что-то вроде вдохновения. А он, черномазый, лоснящийся, стоял возле топки и подстегивал ее похвалами:

– Ай да умница! Ай да красавица!

Тут же, в тендере, рядом с Королевым сидела и Варвара. Всякий раз, когда Петр Петрович хвалил Лушу, она брезгливо поджимала губы. Могучая Лушина сила вызывала в ней отвращение, которого она не старалась скрыть. Впрочем, других она тоже не одобряла.

– Они хотели уехать, а вас оставить, – шептала она Королеву, наклоняясь к его плечу. – Я говорила: как же так, он наш командир, а мы без него уедем. Я сама вызывалась за вами сходить. А Манька мне: погоди, успеется.

Начались сумерки. Северные летние сумерки длинны и никогда не сменяются полной тьмой. Все было видно по-прежнему, только стали заметнее золотые искры, вылетающие из трубы, и огненный зев топки стал ярче, и леса казались гуще, непроходимей и таинственней. Девушки уgomонились и попримолкли. Королев не глядел на них, но к нему вернулось странное свойство, впервые замеченное им на берегу речки: он, не глядя, все время чувствовал спиной, что делает Лиза Кольцова.

Она все двигалась, пересаживалась, долго не находила себе места. По этим пересаживаниям он угадывал, как она взволнована и паровозом, и путешествием, и надвигающейся ночью. Пересаживаясь, она постепенно забиралась все выше и выше по груде поленьев и наконец добралась до самого верха. Там она уселась окончательно. Долго не слыша ее, Королев не выдержал и обернулся. Наверху, неподвижная на фоне неба, она казалась уснувшей темной птицей.

Небо постепенно темнело над нею и, темнея, оживало. Все заметнее становились вспышки дальних разрывов, совсем было позабытые за день. Под нестройно мигающим небом паровоз мчался по извилистой колее, не зажигая огней.

Наконец уселась и Луша; сам Петр Петрович укротил ее усердие, сказав:

– Довольно таскать. А то нам дров и на пятнадцать километров не хватит.

Петр Петрович оставил свой железный прут, взял в руки тряпку и какую-то большую масленку и на всем ходу вышел из паровоза. Девушки вскрикнули – громче всех Манечка. Едва придерживаясь за поручень, Петр Петрович легко зашагал по узкому карнизу, тянувшемуся снаружи вдоль всего уходящего вперед паровозного котла. Колеса крутились прямо под ним. Девушки, перегнувшись, следили за каждым его движением. Он уходил все дальше, постепенно расплываясь в сумраке, потом присел и что-то долго там делал, висая над стремительно бежавшей землей. Когда он вернулся в паровозную будку, встретили его восхищенно.

– Я бы от одного страха сорвалась! – сказала Манечка.

Но тут вдруг Лиза Кольцова, не произнеся ни слова, спустилась с груди дров, прошла в паровозную будку, вылезла наружу и двинулась по карнизу вдоль котла. Произошло это так неожиданно и быстро, что никто не успел ее удержать. Королев, одеревенев от испуга и растерянности, следил, свесив голову из тендера, как легко и гибко она уходила все дальше и дальше...

– Отчаянная! – воскликнула Манечка. – Я говорила, говорила!..

– Если сверзится, туда ей и дорога, – сказала Варвара за спиной у Королева. – Нечего фигурять и выкамаривать.

Эти слова заставили Королева обернуться. Когда же, через мгновение, он опять глянул туда, куда ушла Лиза, там ее уже не было.

Королев вскочил, вылез из паровозной будки и, хватаясь за поручень, пошел вдоль котла по карнизу.

13

Ветер рвал на нем гимнастерку, котел дышал жаром. Хотя он не привык к такой акробатике, он даже не подумал о том, что может сорваться, и не испытывал страха за себя. Тревога вела его, тревога за нее, он хотел знать, где она, что с ней стало. Быстро прошел он над колесами, над летящей землей – вдоль всего длинного котла.

Вот она где!

Впереди паровоза, перед котлом, оказалась маленькая площадка, огороженная решеткой. Лиза Кольцова стояла на этой площадке и смотрела вперед.

Он вскрикнул от радости. Она повернула к нему голову. Он перелез к ней и встал рядом.

– Мы летим! – сказала она громко, чтобы перекричать железный лязг колес.

Действительно казалось, что они летят. Вся темная громада паровоза, которая их несла, была позади. Рельсы и шпалы, уже смутно различимые, стремительно подплывали прямо под их ноги. Темные купы деревьев неслись им навстречу, меняя на ходу очертания, – превращаясь из кораблей в башни, из башен в горы, из гор в зверей. Ветер с силой дул им в лица.

– Как это здорово – лететь в ночь, в темноту и не знать, что тебя ждет впереди,

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
– сказала она. – Здорово, правда?

Королев не ответил, хотя почувствовал, что это действительно здорово. Он вообще теперь чувствовал все, что чувствовала она, мгновенно заражаясь ее чувствами.

– Словно летишь на санках с горы, – продолжала она. – Только там знаешь, куда летишь, а здесь не знаешь. Ни к чему не прикрепленная, листик, сорванный с ветки, лечу и лечу!

Он сразу тоже почувствовал себя таким же листиком, кружащимся на ветру, и сказал:

– Воля!

– Воля, – согласилась она. – Человек, который никому не нужен, волен.

В этих словах была горечь, и, хотя ему неизвестно было, чем она вызвана, он, заражаясь, сам невольно проникся горечью.

– Разве вы никому не нужны?

– А кому же? – спросила она. – Отец убит, два брата на фронтах, мать в оккупации застряла. Тут поневоле станешь вольной.

Ему было жаль ее. Такая худенькая, маленькая; ее голова едва доходила ему до плеча.

– Что же вы хотите сделать с вашей волей? – спросил он.

– Я уже говорила вам. Сражаться.

Вспышки, озарявшие небо, становились все ярче и чаще. На короткую долю мгновения огромный мир выступал из тьмы – поляны, леса, овраги, дали, речки. Внезапно паровоз вскопчил на узенький бревенчатый мостик; небо озарилось, и прямо под своими ногами, далеко внизу, между бревнами, они увидели блеснувшую воду.

– Дух захватывает! – сказала она. – Вы любите, когда захватывает дух?

– А вы? – спросил он.

– Люблю!

Небо опять передернулось вспышкой, и свет отразился у нее в глазах.

– Люди оставляют детей и уходят сражаться, – сказала она. – А мне некого оставлять, где же мне быть, как не на фронте. Только мне хотелось бы сражаться, как сражались в старину: один на один. Чтобы я видела его лицо, а он мое.

– Теперь так не бывает.

– И очень жаль. Но иногда и теперь бывает. У летчиков, у танкистов. Самолет против самолета, танк против танка. Конечно, лица не видишь, но все-таки один на один – кто хитрее, кто храбрее. Один погибнет, другой победит. Только тогда и захватывает дух, когда либо победа, либо гибель...

Королев был на полтора года старше ее и отлично понимал, сколько в словах ее детского, совсем ребяческого. Но он уже не мог не подчиняться ее чувствам, не восхищаться ею. Пылкость и яркость ее мечты заразила его; и ему тоже представлялось уже, что нет ничего упоительнее, чем встретить врага один на один, и – либо победа, либо гибель. И вся эта раздираемая вспышками ночь на паровозе, летящем неизвестно куда, казалась ему таинственно праздничной, потому что она стояла рядом.

14

А между тем все менялось вокруг, и нельзя было этих перемен не заметить.

Мелькание света стало непрерывным, вспышки сливались, не успевая погаснуть; было видно, как днем. Шум паровоза до сих пор заглушал все внешние звуки; но

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru теперь раскаты взрывов были так громки, что заглушить их было невозможно. Словно исполинский зверь засел в этих лесах и рычал на бегущий мимо паровоз.

Да и леса совсем изменились. Исчезли привычные мягкие купы одетых сумраком елей, берез и осин. Деревья стояли голые, без листьев и хвои. Когда за лесом вспыхивало небо, видны были их переломанные скелеты с дико вывернутыми суставами.

Потом возник еще один звук – высокий отвратительный вой, тянущий за душу.

– Что это?

– Снаряды летят через нас, – ответил Королев.

Он взглянул ей в лицо: очень ли она испугалась? Но лицо ее ничего ему не сказало; быть может, в грохоте взрыва она и не расслышала его слов. Но когда взрыв отгремел, она проговорила:

– Если слышишь, бояться нечего. Того снаряда, который попадет, не услышишь.

«А ведь верно, – подумал он. – Как глупо, что я боюсь. Нечего бояться».

Снаряды визжали и визжали. Будто кто-то мокрой пробкой проводил по стеклу неба.

– Они видят нас? – спросила она.

– Не думаю, – ответил он. – Они давно уже бьют по железной дороге. А мы им за лесом не видны.

– Нет, видят, – сказала она. – Видят искры над трубой.

Машинист, наверно, тоже так считал, потому что паровоз вдруг дернулся и понесся вдвое быстрее. Ветер продувал их насквозь. Они неслись и неслись, а свет мелькал, снаряды выли, взрывы гремели. Но Королев смотрел не вокруг, а в ее приподнятое кверху лицо, в глаза – то озарявшиеся, то потухавшие. Он был счастлив.

Потом их дернуло вперед, прижало к железным перильцам – паровоз резко сбавил скорость. Далеко впереди, на путях, что-то темнело. Пути мягко поворачивали вправо, и весь их широкий изгиб был забит вагонами. Целый город вагонов; они были хорошо видны, потому что один дальний вагон, – уже за поворотом, – горел, и мечущееся пламя все освещало, колебля гигантские тени.

Паровоз замедлил ход, но казалось, что расстояния не хватит и что он врежется в вагон. Кругом все гремело, гудело, выло, дрожало и дергалось. Чем ближе подплывали вагоны, тем ясней становилось, что от них остались только обломки. Они, верно, давно уже стояли здесь, сгрудясь и перегородив путь, и артиллерия из-за леса несколько суток крошила их. Паровоз остановился в пяти шагах от ближайшего вагона, и Королев соскочил на землю.

Пробегая вдоль паровоза, он увидел Петра Петровича, стоявшего на нижней ступеньке вертикальной лесенки.

– Выводи всех, лейтенант, дальше не поедем, – крикнул ему Петр Петрович.

Девушки уже прыгали с платформы, спускались с тендера и сбивались в кучу под защитой паровоза.

– Сколько осталось до станции Ржа? – спросил Королев.

Тут всплеск света заставил его зажмуриться, грохот оглушил его, и земля ощутимо дернулась под ногами.

– Тринадцать километров, – сказал Петр Петрович, крича во всю глотку. – Но путями не идите. Он бьет по путям.

– А вы как же?

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy@nikolai.ru
– А мы будем вагоны растаскивать. Попробуем.

– Стройся! – скомандовала Марья Ивановна высоким голосом.

Девушки строились тесно, прижимаясь друг к дружке плечами. Тревога сбивала их в кучу. «А она где?» – испугался Королев, но сразу нашел Лизу в строю. Только Луша Зверева задержалась. Она медлила у паровозной лесенки и смотрела вверх на Петра Петровича.

– А, Лушенька! – сказал Петр Петрович. – Прощай, Лушенька! Спасибо тебе!

Он гибко нагнулся и поцеловал Лушу в губы. Оторвавшись от губ, он провел по ее лицу ладонью – стер сажу, которой сам ее вымазал.

Едва они построились, новый взрыв ослепил и оглушил их.

В окне паровозной будки появилось лицо машиниста – темное стариковское лицо в очках.

– Веди их! Все равно куда! – крикнул машинист Королеву. – Что ты их держишь здесь, дурак!

И они пошли...

15

Куда идти?

Королев понимал, что станция Ржа им ни к чему, им нужен аэродром. У него не было карты, но ему представлялось, что от этого места до аэродрома, быть может, и не дальше, чем от станции Ржа. Да и нельзя их вести вдоль железнодорожных путей под обстрелом; из-под обстрела их нужно вывести прежде всего. Если идти вот туда, если держаться вот этого направления, они в конце концов выйдут на дорогу, соединяющую аэродром со станцией, – ту самую, по которой он несколько дней назад проехал на машине.

Был самый темный час короткой летней ночи, когда они спустились с невысокой железнодорожной насыпи и вступили в лес. Было что-то успокоительное и в знакомой лесной сырости и в сознании, что они со всех сторон окружены стволами. Когда небо вспыхивало от взрыва, вокруг возникала целая сеть вершин, ветвей и сучьев; когда небо потухало, видны были только цветы земляники, белевшие под ногами, как иней. Королев заметил, что в руках у него нет фанерной коробки, и сообразил, что оставил ее на паровозе. Черт с ней, так легче идти, а в коробке не было ничего, чем он дорожил, кроме бритвы; но и бритва ему была не очень нужна – брился он пока только раз в неделю.

Они шли быстро, стараясь поскорее уйти от железной дороги. Они уходили все дальше, но грохот взрывов нисколько не ослабевал. Дальний выстрел – вой снаряда – близкий ослепительный взрыв. Короткое мгновение тьмы, и снова – выстрел, снова – вой... Королев прислушивался; стараясь определить, с какой стороны стреляют. Но определить это было трудно; порой ему казалось, что стреляют с разных сторон. По лесу строем идти невозможно; девушки все время сбивались в кучку, жались друг к дружке, – вместе им было не так страшно. Это тревожило Королева – он понимал, что под обстрелом держаться кучей хуже всего. Но еще будет хуже, если они разбредутся и начнут терять друг друга в темноте.

Они шли, но от взрывов не уходили. Напротив, казалось, снаряды теперь ложились даже ближе к ним, чем прежде. Внезапно снаряд разорвался прямо перед ними, и при ослепительном блеске Королев увидел, как два громадных черных дерева скрестились и рухнули. Все девушки попадали, и он сам упал ничком в мох. Взметенная взрывом земля, шелестя, сыпалась на них с ветвей. Они встали, отряхавшись, но уже через полминуты новый взрыв заставил их упасть опять.

Так они падали, вставали, шли, падали. После каждого взрыва и падения Королев прежде всего проверял себя самого – цел ли он, есть ли у него руки и ноги. Убедясь, что он цел, он оглядывался – все ли целы? Девушки подымались, и он с радостью узнавал их одну за другой, – длинную тощую Марью Ивановну, и Варвару, и круглую коротенькую Манечку, и грузную Лушу, и Лену, которая любила шить, и рыжую Томку, и Сашу Кашину, и остальных. В сумраке, в мелькании блесков, он

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru различал их глаза, смотревшие на него с надеждой; они шли за ним, и их покорные глаза, полные доверия, терзали его. Ему казалось, что он их доверия не стоит. Опять проснулись в нем все те сомнения, которые мучили его в Мартыновке и о которых он совсем забыл на паровозе... А вот и Лиза! Она встает, отряхивает колени...

Через несколько шагов они падали снова.

Иногда они лежали подолгу – взрывы, совсем близкие, следовали один за другим, сливаясь, прижимали их к земле и не давали встать. А когда они наконец вставали, поваленные деревья на каждом шагу загораживали им дорогу. Они обходили завалы, и вскоре Королеву стало казаться, что они теперь идут совсем не в ту сторону, куда направлялись вначале.

Он вел девушек наугад и все меньше верил, что ведет их правильно. Иногда ему представлялось, что стоит им пройти несколько шагов, и они выйдут на дорогу, ведущую к аэродрому. Иногда, напротив, ему вдруг приходило в голову, что они давно уже идут обратно и вот-вот окажутся снова на железнодорожных путях. Теперь он этому даже обрадовался бы; там было бы по крайней мере ясно, в какую сторону нужно идти. Но и железной дороги не было, а был один только искалеченный переломанный лес, бесконечный и безвыходный.

А между тем небо над ними уже слегка посветлело, порозовело, и весь сумрак вокруг стал розовато-серым. Начался рассвет. Высоко-высоко в небе зажглись ясным пламенем маленькие облачка, и было удивительно смотреть на них и думать, что там, в вышине, нет обстрела. В редкие минуты тишины над их головами раздавалась отрывочная птичья скороговорка; значит, в этом лесу еще не все живое убито; и начинало казаться, что тишина эта удержится надолго, что будет еще и утро, и выход, и жизнь. Но затем сразу томительно выл снаряд, и они опять лежали, уткнувшись лицами в папоротник, и громадные деревья падали рядом с ними, и на спины им сыпались комья земли.

Сейчас, когда рассвело, они хорошо видели лица друг друга, очень бледные лица, с пятнами грязи, с очень большими глазами. И Королев подумал, что ведь и они видят его бледное, грязное, растерянное лицо и понимают, что он не знает, куда вести их, и винят его во всем. И чувство вины перед ними было так тяжело, что он старался поменьше глядеть на них и, когда на него глядели, отворачивался.

Рядом с Королевым шла Манечка. Она давно уже держалась возле него. Когда приближался снаряд, она брала его за руку и дергала вниз, чтобы он лег. И он послушно ложился, и они лежали рядом и вместе вставали. И однажды, вставая, Манечка сказала ему:

– Ничего, Игорь, выйдем. Ты не расстраивайся. Поплутаем немного и выйдем.

И он понял, что они вовсе не считают его виноватым, не сердятся за то, что он не знает, куда вести их.

Да он уже больше никуда их не вел. Он вместе со всеми падал, вместе со всеми вставал и брел туда, куда брели все. А все брели уже не за ним, а за Лизой Кольцовой, которая оказалась впереди и всякий раз, когда они поднимались с земли, первая шла куда-то.

Он долго не мог понять, чем она руководствуется, выбирая направление, потому что для него давно уже все направления были равны. Она избавила его от необходимости принимать решения, и он был ей за это благодарен. Ему нравилось постоянно видеть ее впереди себя, легкую и узкую, как стрелочка. Она легко падала, легко вскакивала, легко находила проходы между завалами стволов и вела их уверенно, не проявляя сомнений.

Потом он сообразил, что руководствовалась она только светом, шла в ту сторону, где лес казался реже и посветлее. Действительно, была одна такая сторона – посмотришь туда, и кажется, что лес скоро кончится, что там, за стволами, пустое пространство. Сообразив, он одобрил ее; а вдруг там дорога, или железнодорожная насыпь, или еще что-нибудь, новое, а не этот безвыходный лес. Теперь ему казалось, что стоит им выйти из леса, и они найдут своих, поймут, что делать дальше...

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru Их опять свалило и прижало к земле; грохот перекатывался через них волнами и долго-долго не давал им встать. Потом все смолкло; в наступившей тишине они недоверчиво подымали головы, нерешительно вставали. И все сразу побежали вперед за Лизой – туда, где стволы стояли пореже, где среди поломанных веток светлело небо.

Нет, это еще не был конец леса. Это был луг в лесу, и даже не луг, а подсохшее, поросшее длинной жесткой травой болотце. Снаряды изрыли его, вспахали, вывернули черную землю наружу; в свежих ямах блестела вода. Болотце с трех сторон было окружено лесом; а с четвертой стороны, впереди, его окаймляли редкие очень высокие сосны. У всех у них были посбиты вершины, и только одна, самая большая, двухвершинная, раздвоенная, как лира, была совершенно цела. За соснами светлело небо. Что там? Овраг? Река?

– Смотрите! Люди! Наши! – крикнула Манечка.

Лиза Кольцова уже бежала вперед.

16

Два человека сидели под раздвоенной, как лира, сосной. Два бойца.

Один сидел к ним боком, низко наклонив голову, и словно что-то рассматривал у себя на коленях. Другой сидел, прислонясь к сосне, и смотрел прямо на них.

Королев замахал им рукой и побежал вслед за Лизой. Бойцам этим он обрадовался, как избавлению. Теперь их укроют, помогут им, укажут... Полный надежды, бежал он за Лизой, прыгал через ямы и махал руками.

Но Лиза бежала все медленнее. Она уже не бежала, а шла. Она остановилась.

Действительно, что-то странное было в этих двух бойцах. Слишком уж неподвижно они сидели.

Остановился и Корольев.

Теперь уже было ясно, что это трупы.

Оба бойца были убиты возле неглубокого окопчика, который они рыли у сосны. Окопчик они кончить не успели. Здесь, под соснами, место было песчаное, и мелкий желтый песок, вынутый из ямки, лежал горкой. Валялись тут и две их короткие лопаты, – одну из них взрывом отбросило довольно далеко. Два автомата лежали в жестких листьях брусники.

Лиза подняла один автомат и, держа перед собой, осмотрела.

– Как из него стреляют? – спросила она Королева.

Королев взял автомат из ее рук. Все патроны были целы. Хозяину этого автомата не пришлось стрелять. Он не видел людей, которые его убили; он убит был снарядом.

Королев дал короткую очередь вверх. Лиза кивнула, взяла автомат и тоже дала короткую очередь вверх. И больше с автоматом не расставалась.

Тем временем все девушки перешли через болотце и подошли к убитым. Они, уверявшие, что боятся покойников, рассматривали мертвых без страха, заглядывали в лица. Эти незнакомые убитые бойцы были им близки и потому не страшны.

За рощей высоких сосен оказалась не река, а громадное поле. Оно полого шло вверх, и там, впереди, километрах в четырех, в пяти, была гривка холма; и ничего не было видно за этой гривкой, и казалось, что за полем и нет ничего, кроме неба. А небо сияло утренней чистотой, и только что вставшее ясное солнце косо озаряло травы, седые от росы, пестрые от цветов и такие уже высокие и густые, что рябь, оставленная в них артиллерийским обстрелом, не сразу бросалась в глаза.

Озирая эту освещенную ликующим солнцем цветущую пустыню, Корольев совсем близко, справа от себя, у самых сосен увидел длинный окоп; и не окоп даже, а ряд неглубоких песчаных ям с обсыпавшимися краями. И в ямах и вокруг них лежало

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru много бойцов. Только убитые, ни одного живого. Теперь уже Королев не ошибался, теперь он понял это с первого взгляда. Они убиты давно; в течение ночи их, мертвых, много раз переворачивали и раскидывали взрывы.

Девушки одна за другой подходили к ближней яме окопа, собирались возле нее стайкой и смотрели вниз. Глядя на них, Королев любил их и ненавидел себя. Зачем он привел их сюда, живых и хрупких, как все живое? Ведь он даже не знает, в какой стороне тот аэродром, на который он ведет их, и кто там сейчас, на том аэродроме. И он ли виноват? Или не он, а какая-то всемогущая сила, которая вела и его и их?..

17

Тут раздался дальний короткий выстрел, точно лопнула какая-то пружина, – и первый снаряд отвратительно провизжал в воздухе. Он упал в поле, километрах в двух от них, и черное ветвистое дерево дыма выросло там, где он взорвался. И сейчас же еще выстрел, еще и еще, по три сразу, и вся голубая бездна воздуха над ними стала тяжело дрожать, и ощутимо вздрагивала земля под ногами, и черные дымы взрывов вырастали в поле, как лес. И снаряды ложились все ближе, и весь этот черный лес дымов наступал, приближался, надвигался на них.

Девушки одна за другой стали прыгать в яму, и Королев прыгнул вслед за ними, хотя мертвый боец, лежавший ничком на дне, ясно говорил им, что яма эта – плохая защита. Они сели на корточки, опустили головы, прижались спинами к песчаной стенке. Цепь взрывов приближалась, как волна, и, как волна, перекатилась через них. Теперь она бушевала с другой стороны, – не в поле, а в лесу.

Все сидели на корточках; одна только Лиза стояла. Через край ямы она смотрела вдаль, в поле, и что-то там видела. Королев встал рядом с ней и глянул.

Поле полого уходило вверх, и там, на гривке, у черты, отделявшей землю от неба, увидел он два танка. Вражеские, низкие, черные танки. Они перевалили через гривку и покатались по полю вниз. Издали их движения казались медленными. Потом на гривке появились еще два танка. Они покатались вниз, а на гривке возникло еще два. Теперь уже не казалось, что они движутся медленно. Видны только их морды, бока не видны совсем. Они шли через поле прямо на их яму.

Лиза повернулась к Королеву и что-то крикнула ему, но вокруг так гремело, что он ничего не расслышал. Она села, сняла с себя сапоги, размотала портянки. Босая, она выскочила из ямы и во весь дух побежала вдоль сосен, по самому краю поля.

Королев выскочил из ямы, чтобы поймать и задержать ее. Но, выскочив, внезапно понял, что она задумала. И понял, что сделать это должен был он сам.

Нужно танки заставить свернуть. Только так можно спасти тех, кто в яме. Нужно, чтобы танки прошли мимо. Нужно как можно дальше отбежать от ямы, и повести танки за собой, и принять их на себя.

Он бежал вслед за Лизой – открыто, во весь рост. Он почти догнал ее. Они бежали по самому краю леса, и Королев стал опасаться, что из танков на фоне леса не видят ни его, ни Лизы. Но Лиза знала, что делать. Она вдруг круто повернула в поле и понеслась прочь от леса по высокой траве. Они бежали рядом. Здесь, в поле, их хорошо видно. Им нужно было только одно: чтобы их заметили. Танки надо заставить свернуть. Танки должны свернуть и пойти на них.

Отсюда, с поля, ямы перед соснами угадывались по желтым кучкам песка. Та яма, в которой спрятались девушки, была только точкой в огромном просторе, и так легко было пройти мимо нее. Но танки черной цепочкой, как нацеленные, шли прямо туда, к раздвоенной сосне, к желтеющему песку. Королев подскакивал на бегу, чтобы его не могли не заметить. Он вертелся и крутился, подпрыгивал, он размахивал в воздухе автоматом, он стрелял. Лиза подпрыгивала и стреляла тоже.

Но танки шли неуклонно, не обращая внимания ни на него, ни на Лизу, ни на их автоматы. Как черные корабли, плыли они по высокой траве, покачиваясь на неровностях вспоротого снарядами поля, – к сосне, к яме. Неужели Королев и Лиза не видны из этих железных коробок? Бешенство охватило Королева. Он кричал во весь голос, но и сам не слышал своего крика – так гремели падавшие в лес снаряды.

Цвела земляника. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
Он уже стал приходить в отчаянье, когда вдруг передний танк начал плавно
заворачивать вправо.

Описав широкую дугу в траве, танки повернули один за другим и пошли на Королева
и Лизу.

Построившись в ряд, они шли на них, двоих, – все шесть танков.

И необычайное облегчение испытал Королев, увидев этот их поворот.

Он взглянул на Лизу. Маленькое бледное лицо ее сияло задором и торжеством «Ну,
тогда все хорошо, все правильно», – подумал он.

Они то ложились в траву ничком и стреляли в растущие, подымающиеся и
опускающиеся морды танков, то вскакивали и бежали, стараясь заставить их
повернуть еще круче. Потом патроны кончились; они бросили свои автоматы. Лиза
взяла Королева за руку, и они побежали вдвоем, ныряя в высокой траве, в желтых,
белых и синих цветах – как две обреченные птицы, уводящие охотника от гнезда с
птенцами.

1964 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chukovskiy Nikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!